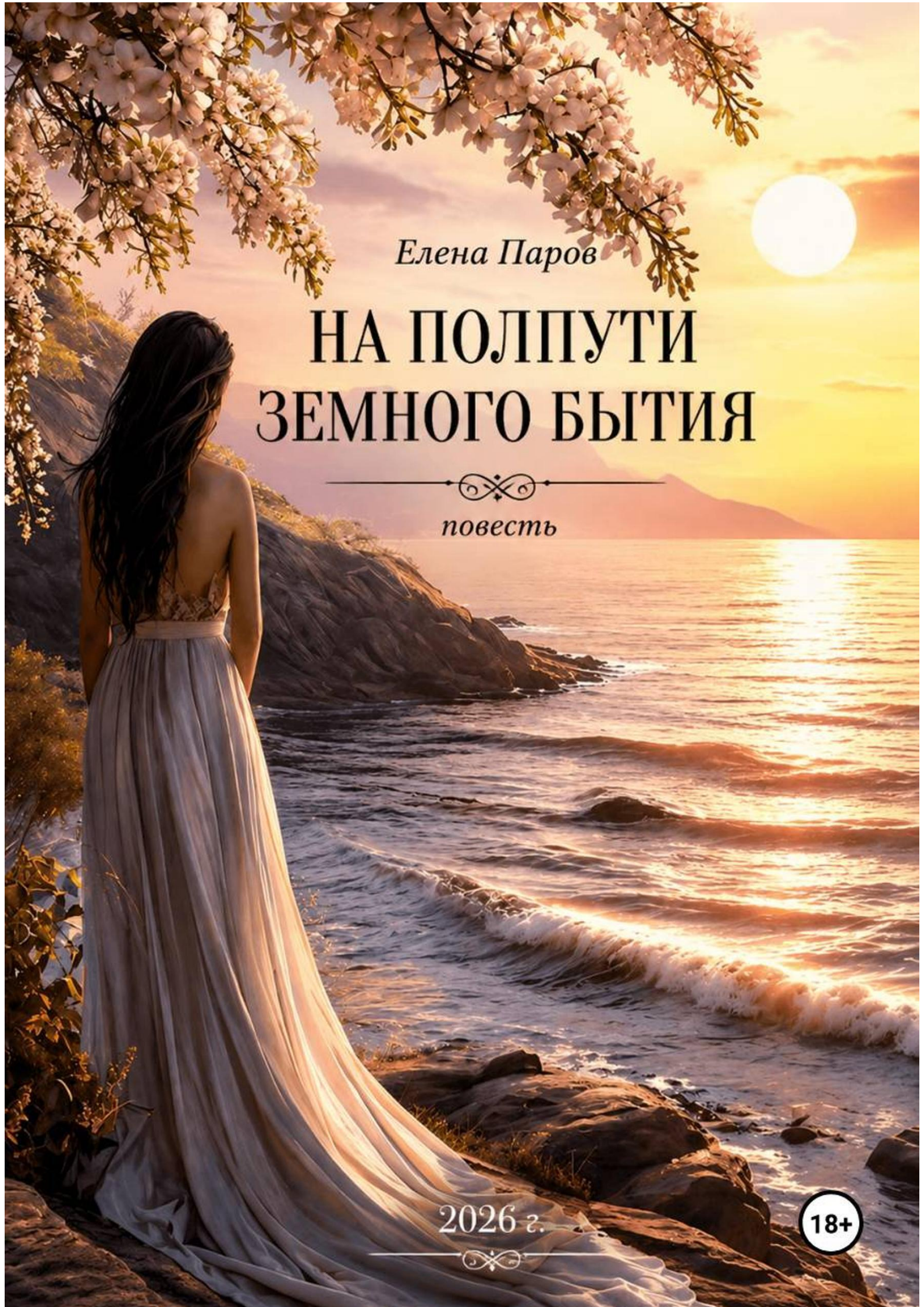

The background of the cover is a romantic landscape. A woman with long, dark, wavy hair is seen from behind, standing on a rocky shore. She is wearing a long, flowing, light-colored gown with a lace-up back. Her dress trails off over the rocks and into the water. In the foreground, there are branches with white cherry blossoms hanging down from the top left. The sea is calm with gentle waves, and the sun is setting or rising, creating a warm, golden glow across the sky and water. The sun is a large, bright circle in the upper right. The overall mood is serene and dreamy.

Елена Паров

НА ПОЛПУТИ ЗЕМНОГО БЫТИЯ

— ∞ —
повесть

2026 г.

18+

Елена Паров

На полпути земного бытия

«Автор»

2026

Паров Е.

На полпути земного бытия / Е. Паров — «Автор», 2026

Ирина - дочь высокопоставленного партийного деятеля. Она мечтала стать детским врачом, но, по воле отца, оказалась в Министерстве. Всё меняется, когда она встречает капитана Сергея - человека с зелёными глазами, который обещает ей вечность. Их любви противостоит жестокость родителей, ложь и шторм, разлучивший их навсегда. Проходят годы. Ирина теряет всё: любовь, ребёнка, надежду. Но, спустя десятилетия правда всплывает. И тогда выясняется, что ни одна любовь не исчезает бесследно. «На полпути земного бытия» — это история о лжи и прощении, о материнской вине и отцовском раскаянии, о том, как важно не молчать, пока не поздно.

© Паров Е., 2026

© Автор, 2026

Елена Паров

На полпути земного бытия

Посвящается моим дочерям: Ане и Еве

«На полпути земного бытия,
упрямив след, вступил я в лес дремучий.»

Данте. «Божественная комедия»

Пролог

В нашем мире много несправедливости. Вот и сегодня, проснувшись, я тут же погрузилась во мрачные мысли: как же несправедлив мир ко мне.

Некоторым достаётся всё по щелчку пальцев. Хочешь, на тебе машину, хочешь - моря, бриллианты. Или красивую фигуру без диет, шикарные волосы. Или детей - послушных, разумных, на радость родителям. Но, на детей я, конечно, жаловаться не буду. Они мои самые любимые, родные, со своими характерами и верой в прекрасное будущее. А вот себя можно жалеть бесконечно. Былая красота увядает, зарплата на любимой работе меньше, чем кот наплакал, жизнь скучна. Да и муж, с которым съеден не один пуд соли, отдан в другие руки. Где же справедливость?

От раздумий меня отвлек телефонный звонок с неизвестного номера. Если бы я знала тогда, как этот звонок изменит мою жизнь...

— Алло, здравствуйте, — раздался мягкий, взволнованный, совсем юный голос. — Меня зовут Юля, вы меня не знаете.

Я уже хотела скинуть вызов, но меня остановила тревога в её голосе.

— Я с трудом нашла вас, — продолжила девушка. — Выслушайте, пожалуйста. Это очень важно.

И она начала рассказывать. Про мать, которую я никогда не знала. Про отца, который не виноват. Про бабушку, которая умирает и хочет покаяться. Я слушала и верила каждому её слову. Потому что внутри, в том самом месте, где сорок лет жила тихая боль, вдруг что-то щёлкнуло, и я поняла: эта девушка не чужая, она — моя сестра.

В конце разговора Юля попросила о встрече.

Положив трубку, я почувствовала, как моя жизнь пробежала передо мной, словно старый фильм под названием «Дорога без начала и конца». Кадры воспоминаний шли один за другим, но так и не сложились в логическое завершение.

Придя в назначенный час, я увидела хрупкую девушку лет двадцати пяти. Её огромные глаза были полны такой печали, будто вся боль мира собралась в них.

— Здравствуй, — прошептала она с тихой улыбкой.

— Здравствуй, Юля.

— Пойдёмте, тут недалеко.

Мы прошли через городскую аллею и вышли к многоэтажному дому, обычной многоэтажке, каких в городе сотни. Юля открыла дверь квартиры, пропуская меня вперёд. Я тут же ощутила аромат цветов, трав, свежесть воды. И ещё один, до боли знакомый запах - запах акации, которую я никогда в жизни не нюхала, но почему-то точно знала, что пахнет она именно так.

Девушка жестом пригласила меня пройти вперёд. Комната была выдержана в зеленоватых тонах, с окон свисали шторы, похожие на водоросли. В углу стоял большой круглый стол и кресло с торшером, на противоположной стороне - кровать. Сначала я не заметила, что на ней кто-то лежит. Но, приглядевшись, увидела старую женщину. Несмотря на возраст, по подушке были разбросаны густые, светлые, почти седые локоны. Она лежала на кровати, морщинистая, маленькая. Я подумала, что она спит, и прошептала Юле:

— Это бабушка?

Но, не успела та ответить, как раздался густой, красивый, бархатный голос:

— Здравствуй, моя дорогая. Не шепчи, я не сплю. Присядь в кресло и послушай, что я расскажу.

Женщина повернула голову ко мне, и я увидела её глаза - когда-то они были чёрными, а теперь выцвели, но в них всё ещё горел огонь. На кровати лежала моя бабушка.

— Юля, налей нам чаю, — уже властно попросила она. — Рассказ будет не коротким. Мне необходимо очистить душу, покаяться, прежде чем я уйду в мир праотцов.

- Ты похожа на Ирину. Очень. Те же волосы, тот же взгляд.

И она на рассказала всё. Про любовь Ирины и Сергея. Про ложь. Про отца, который запрещал дочери быть счастливой. Про то, как Ирина металась по комнате и кричала: «Он не вернётся!». Про то, как она подписала отказ, потому что была сломлена и опустошена.

Я не злилась. Не могла. Слишком много лет прошло.

- Она любила тебя, - сказала Оксана Витальевна. Всю жизнь. Каждый день. Она мечтала тебя найти, но боялась.

- Я простила, - сказала я. — Давно, ещё до того, как узнала.

В тот вечер, уходя из бабушкиной комнаты, я впервые почувствовала странное незнакомое чувство. Словно, тяжелый камень, который я носила долгие годы в своей душе, вдруг упал и разбился. Я не чужая. Свобода. Вот как это называется.

Глава 1

Ирина родилась в семье, где слово отца было законом. Георгий Иванович - высокий, статный, с густыми бровями и привычкой говорить громко, как на трибуне, приходил домой поздно. От него всегда пахло табаком, хорошим одеколоном и ещё чем-то неуловимо казённым, отчего у маленькой Ирины сжималось сердце. Она не знала, боится она отца или просто не понимает.

— Ну как наша умница? — спрашивал он, ставя портфель на стул. — Кто у папы самая лучшая дочка?

Ирина бросалась на шею, но объятия его были короткими, а взгляд - уже где-то далеко, в рабочих бумагах.

Оксана Витальевна была другой. Тихая, лёгкая, всегда в домашнем платье с иголки. Она шила сама - и себе, и Ирине, и на заказ. В их квартире всегда пахло тканью, нитками и утюгом. Ирина любила сидеть рядом с мамой, когда та работала, и слушать, как стрекочет игла.

— Мам, а ты почему не работаешь? — спросила она однажды.

— Так я работаю, милая. Шью. И очень хорошо работаю, — улыбнулась Оксана Витальевна. — Только дома. Чтобы и о тебе заботиться, и о папе.

— А папа тебя любит?

Мать на секунду замерла, потом снова запустила машинку.

— Папа - хороший человек. Он нас обеспечивает. Мы должны быть благодарны.

Ирина запомнила этот ответ на всю жизнь. «Благодарны». Значит, любовь здесь ни при чём.

В детском саду Ирина была главной заводилой. Не потому, что громче всех кричала или дралась за игрушки. Просто у неё всегда были идеи. То она придумывала построить замок из кубиков для всех кукол сразу. То организовывала «больницу», где сама была главным врачом, а остальные дети медсёстрами и пациентами.

— У тебя температура, — говорила она мальчику Пете, прикладывая ладошку к его лбу.
— Надо пить микстуру. И не капризничать.

Петя покорно пил воображаемое лекарство. Воспитательница Нина Павловна смеялась:

— Ирочка, кем ты хочешь стать, когда вырастешь?

— Детским врачом! — твёрдо отвечала девочка. Или мамой. Или, и тем, и другим. У меня будет много детей. Ну уж не меньше десяти, это точно!

Дома эти разговоры продолжались.

— Десять детей? — отец откладывал газету и смотрел на дочь с холодным любопытством.
— А кто их кормить будет? Кто учить? Ты себе представляешь, что такое десять детей?

— Я представлю, — упрямо говорила Ирина. — Я буду их любить.

— Любовью сыт не будешь, — отрезал Георгий Иванович. — Вырастешь - поймёшь.

Школа, пионерский лагерь, старшие классы... Ирина росла, но мечта не умирала. Она по-прежнему хотела лечить детей. Даже записалась в кружок юного медика при поликлинике. Научилась делать уколы на муляжах, измерять давление, перевязывать раны. Приходила домой с блестящими глазами и рассказывала матери о новом навыке.

— Мама, ты представляешь, я сегодня сама наложила швы на муляж! Как настоящий хирург!

Оксана Витальевна улыбалась, но в глазах застывала тревога.

— А папа знает?

— А зачем ему знать? — пожимала плечами Ирина. — Я же не преступление совершаю. Но, отец узнал. Он всё узнавал. У него были глаза и уши везде.

— Я не для того на тебя деньги тратил, чтобы ты шприцы в тряпки тыкала! — гремел он однажды вечером. — У тебя другие способности. Ты должна продолжить моё дело. Политология, международные отношения — вот, что тебе нужно.

— Но, папа, я не хочу...

— А кто тебя спрашивает?

Ирина замолчала. Посмотрела на мать. Та сидела бледная, сжав губы, и не проронила ни слова.

В тот вечер Ирина впервые поняла, что любовь отца условная. Пока ты делаешь то, что он хочет, — ты его любимая дочка. Отвернёшься от его пути — и всё. Она легла в кровать, уткнулась в подушку и тихо заплакала. А за стенкой Оксана Витальевна шила платье для жены какого-то министра. Георгий Иванович уже спал, довольно посапывая. Борьба была выиграна.

Ирина тогда не знала, что эта сцена повторится ещё не раз.

Комната Ирины была её крепостью. Маленькая, но уютная, с большим окном, выходящим во двор, где росли старые липы. Летом их ветви заглядывали в окно, и Ирина просыпалась от зелёного света, который проникал сквозь листву. Она любила этот свет — мягкий, тёплый, обещающий что-то хорошее.

На стене висели плакаты с медицинскими анатомическими схемами. Ирина смотрела на них перед сном, запоминала названия мышц, костей, нервов. Ей казалось, что если она будет знать всё о теле человека, то сможет спасать людей. Лечить. Помогать. На столе — стопка книг. Не учебники — энциклопедии. С картинками, с описаниями болезней, с фотографиями операций. Отец не знал о них, а мать — знала, но молчала.

— Ты ещё передумашь, — говорила она, когда Ирина заводила разговор о медицине.

— Нет, мама, — отвечала Ирина. — Не передумаю.

Каждое утро в доме Георгия Ивановича начиналось с ритуала. Будильник — в семь. Завтрак — ровно в семь тридцать. Отец уже сидел за столом, читал газету, пил чай без сахара. Мать подавала яичницу или кашу, всегда одну и ту же, по расписанию. Ирина садилась напротив, ела молча, смотрела в окно.

— Что на завтра? — спрашивал отец, не отрываясь от газеты.

— В университете занятий нет, — отвечала Ирина. — Сегодня у меня консультация по диплому.

— Хорошо. После завтрака поможешь матери в саду.

Ирина не спорила. Она давно перестала спорить.

Садом занималась Оксана Витальевна, она любила розы. Ирина поливала их, подрезала сухие ветки, рыхлила землю. Делала всё это молча, а в голове прокручивала медицинские термины, которые учила накануне. «Медиальная коллатеральная связка, — думала она. — Блокирует чрезмерное смещение голени кзади. Если разрыв — нестабильность сустава».

— Ирина, ты слышишь меня? — спрашивала мать.

— Да, мама. Слышу.

Вечерами Ирина запиралась в комнате и писала письма. Не для отправки, просто так. Она представляла, что пишет человеку, который поймёт. Который не будет судить. Который скажет: «Я знаю, как тебе тяжело». Она писала о своих мечтах. О том, как хочет уехать из этого дома. О том, как хочет стать врачом. О том, как боится, что ничего не получится.

— Ты справишься, — говорила она себе, запечатывая конверт. — Ты справишься.

Письма она прятала в коробку под кроватью. Со временем их стало много, целая стопка, перевязанная лентой. Ирина иногда перечитывала их и удивлялась, насколько тогда была наивной. Но внутри, глубоко, та девочка с мечтами всё ещё жила.

В воскресенье Георгий Иванович принимал гостей. Сначала — коллеги по партии. Потом — соседи. Потом — дальние родственники, которых никто не знал. Ирина должна была сидеть за столом, улыбаться, слушать разговоры о работе, о политике, о том, кто куда поступил и на ком женился.

— А твоя дочь? — спрашивали гости. — Учится, работает?

— В Университете народного хозяйства, — отвечал отец с гордостью. — Политология.

Гости одобрительно кивали, а Ирина опускала глаза и прятала руки под стол. На пальцах чернила от ручки, которыми она рисовала схемы на лекциях. Ей казалось, что все их видят. Что все знают, что она здесь чужая.

Однажды, когда отец вышел на кухню, к ней подошла пожилая женщина — тётя Зина, дальняя родственница.

— Ты не хочешь быть политологом, правда? — спросила она тихо.

Ирина удивлённо подняла глаза.

— Не хочу.

— Я знаю, — женщина улыбнулась. — Я тоже когда-то не хотела того, что говорил муж, но я сдалась. Ты - не сдавайся.

Она погладила Ирину по руке и ушла, оставив её с этим советом.

В ту ночь Ирина долго не спала. Она смотрела в потолок и думала: «А если я всё-таки сдамся? Если я и правда стану той, кем хочет видеть меня отец?» Ответа не было.

Самое любимое место Ирины — подоконник. Она садилась на него, прижималась лицом к стеклу, и смотрела на улицу. Вечером, когда зажигались фонари, город становился другим — тёплым, уютным, чужим. Люди шли по улицам, спешили домой. У них были свои дома, свои семьи, свои мечты. А у Ирины не было ничего, кроме комнаты и подоконника. Иногда она сидела там до полуночи. Смотрела на небо, на звёзды, на луну. И думала: «Где ты, тот, кто меня поймёт? Где ты, кто скажет, что я не одна?»

Глава 2

Девушка сидела на берегу моря. Волны ласково плескались у её ног, но она ничего не замечала: ни шелеста воды, ни крика чаек, ни ветра, трепавшего её густые, чёрные как смоль, волосы. Мысли её были далеко - в воспоминаниях о прошлых годах...

Ей представилось, как они с мамой гуляют вот по этому самому берегу в такой же тёплый южный вечер. Она только закончила школу и решала, куда пойти учиться. А хотела она одного: поступить в медицинский и стать детским врачом.

Но, она не может послушаться отца и поступает в Университет народного хозяйства и государственной службы на политологический факультет. Учёба даётся легко, экзамены сданы на высший балл, диплом с красной обложкой получен. Умопомрачительное выпускное платье сшито и висит на плечиках, дожидаясь своего звёздного часа. А папа тем временем нашёл жениха. После праздника обещан ресторан и знакомство с будущим мужем.

Вот отгремел и выпускной. Впервые был выпит бокал шампанского, надета корона королевы бала, на набережной пущен салют в честь начала взрослой жизни. Одна из преподавательниц даже всплакнула, сетуя, что давно не видела такой приличной, красивой и умной студентки. На душе было так хорошо, что не хотелось домой. Ирина предложила подружкам прогуляться ещё немного. Те с радостью согласились, и девчата пошли вдоль набережной, звонко смеясь и рассказывая друг другу разные истории.

Они не заметили, как далеко ушли, и оказались у входа в порт. Ирина забеспокоилась: как теперь добираться домой? Родители будут волноваться, отчитывать и испортят всё настроение от праздника. А подружки, заметив на корабле ребят, загалдели ещё громче.

— Эй, девчонки! — крикнул один из парней. — Вы почему гуляете так поздно без родителей? Вот возьмёт какой-нибудь Бармалей и утащит!

— Это ты что ли Бармалей? — засмеялась Галя, одна из подруг.

— А что, я вполне могу им быть. Идите к нам!

Ирина изо всех сил стала отговаривать подруг, но выпитое шампанское сделало своё дело.

— Что делаете, ребята? — спросила Галя.

— Собираемся в рейс, — ответил за всех высокий, широкоплечий, весь покрытый веснушками рыжий парень. — Меня зовут Костя. А это Сергей и Вова.

Он показал на двух других. Один - светловолосый, невысокий, смуглый, в тенниске и с красным платочком вокруг шеи на французский манер. Другой - повыше, отличался спортивной фигурой, через рубашку-сетку отчётливо виднелся рельеф рук и спины. Его длинные тёмные кудрявые волосы падали на лицо и плечи. Пронзительный взгляд тёмно-зелёных глаз горел дьявольским огнём.

Ирина не смела моргнуть, глядя в этот зелёный бездонный омут. Казалось, закрой она глаза или отведи взгляд - и мир рухнет.

А мир и так рухнул. Беспощадно, стремительно, не спросив ни её, ни родителей, ни вообще никого.

Так они и стояли на палубе. Ирина в своём восхитительном белом платье и Сергей, капитан корабля, сейчас больше похожий на пирата из какого-то фильма. Как Грей и Ассоль... Не хватало только алого паруса.

Их первый настоящий разговор случился в ту же ночь.

Костя и Вова ушли курить на корму, подружки Ирины утомонились в кают-компании, прикорнув на диванах. А они остались вдвоём на палубе. Сергей зажёл маленький керосиновый фонарик, старый, похожий на те, что вешали на мачты в прошлом веке.

— Ты не замёрзла? — спросил он.

— Нет, — соврала Ирина. На самом деле её трясло, то ли от вечерней прохлады, то ли от его близости.

Сергей снял свою куртку и накинул ей на плечи. От куртки пахло морем, табаком и чем-то неуловимо мужским - тёплым и надёжным.

— Спасибо.

— Как тебя зовут?

— Ирина.

— Красивое имя, — он улыбнулся. В темноте его зелёные глаза светились. — А меня Сергей. Или просто капитан.

— Капитан чего?

— А ты не видишь? Корабля, — он махнул рукой вокруг. — Правда, он небольшой. Грузовое судно. Торгуем с соседними странами: везём зерно, лес, иногда технику.

— Романтика, — сказала Ирина.

— Ты так думаешь? — удивился Сергей. — Обычно девушки говорят: «Скука. Только море и работа». А ты сказала «романтика».

— А я - не обычная девушка, — Ирина вдруг почувствовала, что может быть собой. Не папиной дочкой, не отличницей, не той правильной Ириной. Просто собой.

Они замолчали. Фонарик мигал, отбрасывая золотистые блики на воду. Где-то вдалеке кричали чайки.

— Странно, — сказала Ирина. — Мы знаем друг друга всего несколько часов, а мне кажется, что я тебя сто лет знаю.

— Потому что это судьба, — просто ответил Сергей. — Судьба не смотрит на часы.

Глава 3

Сергей родился в доме, который пах морем. Не рыбой, не водорослями, не солью — морем. Тем особенным, горьковатым, солёным запахом, который впитывается в дерево, в ткани, в кожу и остаётся там навсегда. Дом стоял на самом краю города, у самого обрыва, и когда дул ветер, казалось, что море заходит внутрь, обнимает стены, дышит вместе с ними.

Отец Сергея — Александр Ильич — был капитаном дальнего плавания. Он уходил в рейсы на полгода, а возвращался на две недели. И эти две недели были самыми счастливыми в жизни мальчика.

— Будешь моряком, Серёжа, — говорил он, сидя на веранде, глядя на закат. — Как я. Как дед. Как прадед.

— А если я не хочу? — спрашивал Серёжа.

Отец усмехался, гладил его по голове. Захочешь. Море зовёт, рано или поздно.

Мать — Анна Васильевна — была тихой, незаметной женщиной. Она работала в библиотеке, читала Серёже вслух по вечерам, учила его стихам, но никогда не перечила мужу. Когда Александр Ильич говорил «будет моряком», она молчала. Хотя знала, что сын боится воды. Боится глубины. Боится той чёрной, бездонной темноты, которая ждёт под килем.

Серёжа не боялся моря — он боялся того, что скрыто под водой. Он помнил, как в шесть лет отец впервые взял его на катер. Был солнечный день, вода казалась прозрачной, как стекло. Серёжа стоял у борта, смотрел вниз и видел, как уходят в глубину водоросли, камни, тени рыбы. И вдруг — темнота. Глубокая, бесконечная, как пропасть. Ему показалось, что он сейчас упадёт туда, и никто не найдёт.

— Не бойся, — сказал отец. — Вода держит.

Но Серёжа не поверил. Он отступил на шаг, потом на два, потом убежал в каюту и не выходил до самого берега.

— Трус, — усмехнулся отец за ужином. — В кого ты такой?

— В меня, — тихо сказала мать.

Александр Ильич посмотрел на неё с удивлением — она никогда не спорила — но промолчал.

В двенадцать лет Серёжа сбежал из дома. Не насовсем — на два дня. Уехал на автобусе в соседний город, там сел на первый попавшийся катер и ушёл в море вместе с рыбаками. Денег у него не было, но он сказал: «Я буду работать». И работал. Чистил палубу, мыл сети, носил ящики. За два дня он понял главное: море не страшное. Море — живое. Оно дышит, оно говорит, оно слушает. И если ты его не боишься, оно принимает тебя. Вернувшись, он сказал отцу:

— Я буду моряком.

Александр Ильич усмехнулся:

— Я знал.

Мать заплакала — от радости или от горя, он не понял.

Сергей уехал в мореходку в шестнадцать. Город был большим, чужим, с трамваями и высотными домами. Но молодой человек скучал не по дому — по морю. По тому спокойствию, которое наступало, когда под килем была глубина, а над головой — небо.

— Градов, ты будешь лучшим, — сказал ему преподаватель на первом курсе. — У тебя руки — от бога. Или от моря.

Сергей не ответил. Он просто улыбнулся и пошёл дальше — учиться, работать, ждать. Ждать того дня, когда он сможет выйти в море...

И вот — завтра первый рейс. Настоящий рейс, не прогулка с рыбаками, не катер на час. Он уходил в море на две недели юнгой на старом рыболовецком траулере «Волна». Отец устроил его — сказал, что пора учиться делу. Сергей не спал всю ночь.

— Настоящий моряк не боится шторма, — сказал Александр Ильич. — Настоящий моряк его любит.

Сергей не был уверен, что любит шторм. Но знал — должен попробовать. Мать собрала ему рюкзак: тёплые носки, шерстяной свитер, хлеб, варёные яйца, термос с чаем.

— Ты вернёшься, — сказала она. — Я буду ждать.

— Я вернусь, мама, — пообещал Сергей.

«Волна» отчалила в пять утра. Было ещё темно, небо сливалось с водой, и только звёзды освещали путь. Сергей стоял на палубе, смотрел, как берег медленно тает в утренней дымке. Дом становился всё меньше, а море — всё больше.

Капитан — пожилой, с седой щетиной и хриплым голосом — спросил:

— Парень, ты кто?

— Сергей, — ответил он.

— Умеешь вязать узлы?

— Нет.

— Научишься. Умеешь чистить рыбу?

— Нет.

— Научишься. Умеешь терпеть?

— Не знаю.

Капитан усмехнулся:

— Узнаешь.

На четвёртый день поднялся ветер. Небо почернело, волны вздыбились, и «Волна» начала качаться так, что у Сергея закружилась голова. Он стоял у борта, держался за леер, а внутри поднималась тошнота.

— Держись, парень, — крикнул матрос Митрич. — Не падай.

Сергей не упал. Он стоял, стиснув зубы, пока волны били в борт, пока ветер выл в снастях, пока его тело просило пощады. Он стоял и смотрел на море — и вдруг понял: оно не злое. Оно просто есть. Оно не хочет его убить. Оно испытывает.

— Я выдержу, — сказал он морю.

Море не ответило. Но волны стали тише.

Капитан подошёл к нему, когда шторм стих.

— Ты не упал, — сказал он. — Не заорал. Не сбежал. Уважаю.

— Я думал, умру, — признался Сергей.

— Умереть легко. А ты выжил. Теперь ты моряк.

— Почему?

— Потому что море тебя приняло.

Сергей посмотрел на горизонт. Вода была спокойной, блестела на солнце. Чайки кружились над головой. Где-то далеко — берег. Он был далеко, но Сергей знал: туда можно вернуться.

Он вернулся через две недели. Земля под ногами казалась твёрдой и чужой. Мать ждала на причале, махала рукой, плакала от радости. Сергей обнял её.

— Ну что? — спросил Александр Ильич. — Понравилось?

Сергей задумался.

Не знаю, — сказал он. — Но, я хочу снова.

Отец улыбнулся:

— Мой сын, ты будешь настоящим моряком.

С того дня Сергей понял: море — это не работа. Это жизнь. Он стал замечать цвет воды, поведение чаек, движение облаков. Научился читать карты, вязать узлы, чувствовать, когда придёт шторм. И каждый раз, выходя в море, он думал о том, что где-то есть человек, который ждёт его.

Он полюбил море за то, что оно не лжёт. Волны не притворяются, шторм не предупреждает. Всё честно, всё по-настоящему. В море он мог быть собой — не сыном, не учеником, не курсантом. Просто человеком.

В ночи, на палубе, когда вокруг была только темнота и вода, он смотрел на звёзды и думал. О жизни. О будущем. О том, что где-то, на другом конце мира, есть человек, который ждёт. Он не знал, кто это, но чувствовал.

— Моя Ирина, — говорил он себе, не зная, что это имя станет его судьбой.

Отец подарил ему гитару. Сергей брал её с собой в рейсы, играл по вечерам, пел о море, о ветре, о девушках, которые ждут на берегу. Он не умел красиво петь, просто выводил мелодию, чтобы заполнить тишину в каюте.

Однажды, глядя на закат, он сочинил строки:

«Шумит прибой у берега родного,
И пена стелется по гальке у скалы, -
Но, знаю: встречу я с любовью снова,
Пока блуждаю в море среди мглы.

Считает дни на берегу она,
Где ветер сушит косы на ветру,
И чайка над водою в тишине,
Всё кружит в ожиданье поутру.

Ждёт мой корабль и моё сердце ждёт,
Где пристань дремлет в дымке голубой,
И я, пройдя сквозь пену и прибой,
Причалию и навеки буду твой.»

Он не знал, что эта песня — для Ирины. Что она скоро услышит её и это будет их песня.

Последний рейс перед встречей с Ириной был коротким — всего месяц. Сергей стоял на палубе, смотрел вдаль и думал о том, что где-то там, на берегу, его ждёт новая жизнь. Он не знал имени той девушки. Не знал, как она выглядит. Но знал — она есть. И он её найдёт. Вечером он зашёл в портовую церковь, поставил свечу и загадал желание:

— Пусть она будет счастлива. И пусть я её найду.

Через два дня он увидел Ирину — в белом платье, с чёрными волосами, на палубе его собственного корабля.

Глава 4

Через месяц они встречались уже не тайком. Ирина приходила к Сергею в порт после работы, и они сидели в маленькой кают-компании, пили кофе и говорили, говорили, говорили.

— Расскажи мне про своё первое плавание, — попросила Ирина.

— Боже, какая скука, — засмеялся Сергей. — Мне было шестнадцать. Я был юнгой на старом рыболовецком траулере. Три дня штормило так, что меня выворачивало через каждые полчаса. Капитан сказал: «Парень, если ты не сдохнешь после этого, ты настоящий моряк». Я не сдох.

— Героически, — улыбнулась Ирина.

— Никакого геройства. Просто упрямство.

В тот вечер они сидели на набережной. Солнце садилось в море, окрашивая небо в розовое, оранжевое, золотое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.